

ИЗ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Э.В. Георгиевский*

СОБСТВЕННОСТЬ КАК ОБЪЕКТ ОХРАНЫ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ

***Аннотация.** Собственность в светском древнерусском уголовном праве являлась одним из важнейших объектов уголовно-правовой охраны. Преступные посягательства против собственности содержат практически все законы Древней Руси — договоры Руси и Византии, Русская Правда, Псковская и Новгородская судебные грамоты, договоры русских городов с немцами. Древнерусский законодатель очень детально фиксирует в нормативном построении признаки потерпевших, предметы преступных посягательств и способы совершения преступлений против собственности, к которым относились не только хищения, но и неправомерное пользование чужим имуществом, а также его уничтожение или повреждение. Такое пристальное внимание к признакам объекта и объективной стороны преступлений против собственности способствовало формированию оптимального механизма дифференциации уголовной ответственности виновных. Факт наличия или отсутствия собственности предопределял, по сути, многие жизненно-важные вопросы для древнерусского человека. Это вопросы социальной стратификации и юридической самоидентификации личности в древнерусском государстве. Именно поэтому посягательства на отношения собственности карались в уголовном праве Древней Руси очень строго, вплоть до применения исключительной меры наказания.*

***Ключевые слова:** юриспруденция, воровство, татьба, доспехи, оружие, конь, впрок, свод, поручник, поджог.*

О тношение к собственности, как и отношения собственности, в Древней Руси были достаточно своеобразными, а потому существовала и определенная специфика в их охране. Как совершенно обоснованно считает С.А. Елисеев, термин «собственность» неизвестен древнерусскому праву, которое использовало описательные выражения — «впрок», «навек» и т.п. Право собственности отличалось от простого владе-

ния, и собственник не терял права на вещь, перестав владеть ею¹.

Вот, например, как очень образно описывает отношения, связанные с собственностью в Древней Руси, Б.А. Романов: «Бывает, что и воруют: коней, оружие, одежду. У кого обнару-

¹ Елисеев С.А. Преступления против собственности в истории уголовного законодательства России. Томск, 2005. С. 5.

© Георгиевский Эдуард Викторович

* Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Юридического института Иркутского государственного университета (ИГУ)

[georgcrime@yandex.ru]

664003, Иркутская обл., г. Иркутск, ул. К.Маркса, д. 1.

жат, хватаются за свое и кричат: «это мое», — а тот оказывается, не украл, а купил. Закон тут предлагает процедуру «свода» (по следам покупок, перепродаж и перекупок), иначе — опять драка»². М.М. Абрашкевич полагает, что только что зародившаяся частная собственность ценится как объект уголовно-правовой охраны чуть ли не выше, чем личность, умножение богатства становится предметом усердных забот³.

Одно из первых упоминаний об охране собственности в светском законодательстве Древней Руси мы встречаем уже в Договорах Руси и Византии. Так, преступления против собственности в Договоре 911 г. посвящены шестая и седьмая статьи. Шестая статья посвящена краже (татьбе). «Если русский украдет что-либо у христианина или же христианин у русского и схвачен будет вор потерпевшим... и будет им связан, то пусть возвратит то, на что осмелился посягнуть, в тройном размере»⁴.

Седьмая статья договора 911 г. устанавливает ответственность за насильственное присвоение чужой вещи. Она предусматривает два вида преступлений — грабеж и, возможно, разбой: «Если кто-либо, русский у христианина или христианин у русского, причиняя страдания и явно творя насилие, возьмет что-нибудь, принадлежащее другому, пусть возместит убытки в тройном размере»⁵. «Тайное похищение чужой вещи называлось воровством, — пишет И.Ф.Г. Эверс, — всякое же не тайное присвоение было уже вместе и насилие; ибо в самом деле, в то время не иначе можно было овладеть чужою собственностью, как посредством насилия»⁶. Далее в своей работе исследователь объясняет свою, несколько вольную трактовку понятия насилия своеобразной правовой инерцией. В любом древнем праве понятие насилия всегда было многообразнее, чем в современном. И многие действия, которые первоначально считались возможными лишь при условии насилия, впоследствии были все равно отождествляемы с насилием, хотя последнего

могло и не быть в реальности⁷. Впрочем, например, А.А. Зимин считает, что в данной статье речь вообще идет о самоуправстве.

Достаточно серьезный анализ данной статьи осуществил Д. Тальберг, который сличив и проанализировав несколько списков договоров, а также исследовав практически всю литературу по данному вопросу, пришел к выводу о том, что статья должна читаться следующим образом: «Если кто из христиан или русских станет допрашивать (предполагается хозяина вещи) посредством мученья, и явно, чрез насилие, что либо возьмет или в сообществе с другими (дружинне), то платить за это втрое»⁸. Причем термины «дружне», «дружинне», которые и до и после Д. Тальберга большинством ученых трактовались как «чужое» применительно к имуществу, на самом деле, вероятнее всего, обозначают совместность, дружинность совершения данного посягательства.

Статья двенадцатая регламентировала ответственность за кражу и бегство от хозяев челяди⁹. Согласно точке зрения И.Ф.Г. Эверса, данная норма хоть и примыкала к нормам, охраняющим собственность, но имела свою специфику. В частности отсутствие в статье санкции объясняется, по мнению ученого, тем, что вора и не искали. Постановления статьи ограничиваются лишь указанием на необходимость возвращения «невольника» в случае его обнаружения¹⁰.

В договоре 944 г. были две статьи о преступлениях против собственности. Статья пятая гласит: «Если же кто из русских попытается (самовольно) взять что-либо у людей нашего царского величества и свою попытку осуществит, то будет сурово наказан». И.Ф.Г. Эверс полагает, что в данной статье речь идет о покушении на грабеж, которое само по себе является наказуемым. Солидарны с ним Д. Тальберг и А.А. Зимин. В продолжении диспозиции данной статьи речь идет об оконченном преступлении — грабеже. «Если же (он) уже возьмет (что-либо), то пусть заплатит вдвойне». Очень интересным представляется нам предположение, сделанное Д. Тальбергом в своей работе. Исследователь полагает, что нормы о грабеже в договорах Руси и Византии не были свойствен-

² Романов Б.А. Люди и нравы Древней Руси: историко-бытовые очерки XI–XIII вв. М., 1966. С. 112–113.

³ Абрашкевич М.М. Эволюция идеи о преступлении и наказании. Публичная лекция. Одесса, 1903. С. 12.

⁴ См.: Договор Руси с Византией. 911 год // Памятники русского права: в 8 вып. / под ред. С.В. Юшкова. М., 1952. Вып. 1: Памятники права Киевского государства X–XII вв. С. 12.

⁵ Там же. С. 12.

⁶ Эверс И.-Ф.-Г. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. СПб., 1835. С. 175.

⁷ Там же. С. 176.

⁸ Тальберг Д. Насильственное похищение имущества по русскому праву (разбой и грабеж). Историко-догматическое исследование. СПб., 1880. С. 5.

⁹ См.: Договор Руси с Византией. 911 год // Памятники русского права. Вып. 1. С. 13.

¹⁰ Эверс И.-Ф.-Г. Там же. С. 179.

ны древнерусскому праву, в частности, их не было в Русской Правде. Именно поэтому эти нормы были греческими, иначе сложно объяснить такую запутанность этих норм при переводе с греческого на русский¹¹. Более того, меньшая наказуемость грабежа, в сравнении с татьбой, является ничем иным, как византийской уступкой русским, не знавшим в силу специфики своего юридического быта такого преступления¹².

Статья шестая предусматривает ответственность за кражу и за продажу краденного: «Если же случится украсть что-либо русскому у грека, то следует возратить не только украденное, но и (приплатить) сверх того его цену; если же окажется, что украденное уже продано, то пусть отдаст вдвойне его цену и будет наказан по греческому обычаю и по уставу и обычаю русскому»¹³. Но, кроме всего прочего, И.Ф.Г. Эверс обращает внимание на то, что в договоре Игоря, в отличие от договора Олега, речь идет о реальной наказуемости, а не только о возвращении похищенного и тройном, и двойном, соответственно, возмещении ущерба¹⁴.

Интересной представляется точка зрения Д. Мейчика по поводу соотношения положений о краже в статьях 911 и 944 г. По мнению ученого, статья шестая договора 944 г. является не самостоятельной нормой, а только лишь частным случаем, не предусмотренным в договоре 911 г. И если в первом случае (Договоре князя Олега) речь идет о ситуациях, когда вор схвачен на месте преступления (данный факт увеличивал степень общественной опасности содеянного), то во втором случае предусматриваются ситуации, когда вернуть похищенное в натуральном виде уже невозможно. Именно этим обстоятельством объясняется относительная мягкость наказания во втором случае¹⁵. Именно тогда законодательно закладываются юридические основы, определяющие значимость «поличного», достаточно последовательно проводимые древнерусским законодателем и впоследствии. Возможно, своеобразным отголоском такой ситуации яв-

ляется сохранившаяся до наших дней поговорка: «Не пойман — не вор», где значительная лингвоюридическая нагрузка ложится на момент поимки преступника на месте совершения преступления.

Статья девятая запрещает русским совершение каких-либо преступных деяний (хищение, обращение в рабство, убийство) в отношении греков, потерпевших кораблекрушение¹⁶. По справедливому замечанию И.Ф.Г. Эверса, данная статья дополняет подобную же статью в договоре Олега достаточно серьезными уголовно-правовыми установлениями. К ним, в частности, относится установление принципа наказуемости.

Серьезное внимание уголовно-правовой охране собственности уделяют и различные редакции Русской Правды. Статьи одиннадцать и шестнадцать Правды Ярослава были посвящены бегству и укрывательству челяди (именно как собственность рассматривались рабы и пленные, объединяемые термином «челядь»).

Двенадцатая статья регулировала ответственность в виде трехгривенного штрафа, в случае самовольного пользования чужим имуществом — езды на чужом коне¹⁷. Неправомерное пользование чужим имуществом было криминализировано нашими далекими предками потому, что, например, согласно точке зрения И.Ф.Г. Эверса, они уже достаточно хорошо понимали, что принадлежит им как собственности. Именно поэтому они отождествляли владение чужим имуществом и неправомерное присвоение последнего. «Ибо тот, у кого скрывался раб, тем еще не присвоил его себе, равно и тот, кто ездил на чужой лошади, только пользовался, а не завладевал самим животным. Но в обоих случаях непозволенное действие могло служить предлогом для благовидного прикрытия собственно противозаконного присвоения»¹⁸.

Статья тринадцатая регулировала ответственность за кражу (тайное хищение чужого имущества) коня, оружия или одежды. При этом в случае возвращения похищенного потерпевшему также полагался штраф в три гривны.

Четырнадцатую статью ряд ученых считает продолжением статьи тринадцатой, причем и ту и другую считают по характеру процессуальными. Стоит, очевидно, согласиться

¹¹ Тальберг Д. Там же. С. 6–7.

¹² Это «незнание» предопределяется главенствующим у руссов правом сильного, которому разрешено в бою добывать себе имущество и ценности; Тальберг Д. Там же. С. 6.

¹³ См.: Договор Руси с Византией. 944 год // Памятники русского права. Вып. 1. С. 38.

¹⁴ Эверс И.-Ф.-Г. Там же. С. 196.

¹⁵ Мейчик Д. Система преступлений и наказаний по Договорам Олега и Игоря и Правде Ярослава // Юридический вестник. 1875 (февраль-март). С. 33.

¹⁶ См.: Договор Руси с Византией. 944 год // Памятники русского права. Вып. 1. С. 39.

¹⁷ См.: Русская Правда, краткой редакции (по Академическому списку) // Памятники русского права. Вып. 1. С. 82.

¹⁸ Эверс И.-Ф.-Г. Там же. С. 325.

с точки зрения, в соответствии с которой в этих двух статьях рассматривается два разных случая. В статье тринадцатой речь идет о недобросовестном владельце, поэтому вещь изымается без процедуры свода («а познать в своемь миру»), которая не нужна в силу того, что преступник известен. В четырнадцатой же статье речь идет о случаях, когда владелец вещи добросовестно ею владеет, поэтому требуется процедура свода. Свод же является необходимым для того, чтобы найти истинного преступника. А до тех пор опознанная вещь будет находиться у добросовестного владельца. Для обеспечения же интересов собственника выставляется «поручник»¹⁹.

Статья пятнадцатая, согласно точке зрения С.В. Юшкова, регулирует ответственность за злостную невыплату долга. Исследователь принимает при этом точку зрения Н.И. Ланге, как единственно, на его взгляд, удовлетворительную. В соответствии с ней если должник начинает заперяться и не возвращать полную сумму долга, то в случае доказательства перед двенадцатью свидетелями правоты истца надлежит заплатить потерпевшему три гривны за обиду²⁰. Мы считаем возможным присоединиться к точке зрения С.В. Юшкова, так как в исследуемый период древнерусский законодатель приравнивает друг к другу по характеру и степени общественной опасности и татьбу и невыплату долга, одинаково именуя данные деяния обидой. Это подтверждается очень интересным замечанием А.А. Сухова: «Не удивительно при этом, что наказывая уголовного преступника, например, вора, частное лицо ставило его на одну доску с неисправным должником, потому что в обоих действиях, при неразвитости тогдашних понятий о праве, виделось одинаковое нарушение своего права»²¹. Согласно точке зрения Я.Н. Щапова, в статье речь идет о случаях, когда не удалось вернуть потерпевшему весь объем похищенного имущества, но похититель при этом найден и найдена часть похищенного²².

¹⁹ См.: Русская Правда, краткая редакция (текст по Академическому списку Правда Роськая) // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1984. Т. 1: Законодательство Древней Руси. С. 47, 56.

²⁰ Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. С. 507.

²¹ Сухов А.А. Историческая характеристика древнерусского уголовного права до XVII столетия // Юридический вестник. 1874. Книжка первая и вторая (январь и февраль). С. 88.

²² См.: Русская Правда, краткая редакция (текст по Академическому списку Правда Роськая) // Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. С. 56.

Статья семнадцать предусматривала дифференцированную уголовную ответственность за укрывательство холопа, совершившего насильственные действия в отношении свободного человека и укрывающегося у своего хозяина. В случае если хозяин не хотел выдавать холопа, он был обязан заплатить штраф в двенадцать гривен, очевидно в случае выдачи холопу грозила смерть от обиженного им свободного человека. Об этом косвенно свидетельствует тот факт, что срок, в течение которого обиженным могла быть причинена смерть холопу, в статье не ограничивается²³.

Восемнадцатая статья была посвящена уничтожению и повреждению чужого имущества: копы, щита или портов (возможно, в данном случае речь идет о портах в смысле доспехов). Причем возмещать стоимость вещи преступнику необходимо было в любом случае: если он оставлял поврежденную вещь у себя или пытался насильно вернуть ее хозяину²⁴.

Диспозиция статьи двадцать восьмой Правды Ярославичей была многофункциональной. В ней предусматривалось сразу несколько преступлений против собственности (кража, уничтожение и повреждение) — домашнего скота. К предметам данного посягательства относились: конь княжий (военный, племенной), конь смерда («пашенный»), кобыла, вол, корова двухлетняя и трехлетняя, теленок, ягненок, баран. Необходимо отметить, что кони при перечислении предметов посягательства находились на первом месте. Это только лишний раз свидетельствует о ценности коней в Древней Руси, особенно в период военных действий, когда ополчение смердов играло также очень важную роль²⁵.

К преступлениям против собственности также относится статья двадцать девятая, где речь идет о краже чужого холопа, а также статьи тридцать первая, тридцать вторая, тридцать четвертая, тридцать пятая, тридцать шестая, тридцать седьмая, тридцать девятая, сороковая. В этих статьях речь, соответственно, идет о краже коня, волов и краже из дома, о повреждении княжеской борти и хищении пчел, о незаконной перепашке межи и уничтожении межевых знаков, о краже ладьи, голубя, курицы, журавля, лебеда, пса, ястреба

²³ См.: Русская Правда, краткая редакция (по Академическому списку) // Памятники русского права. Вып. 1. С. 82.

²⁴ См.: Русская Правда, краткая редакция (текст по Академическому списку Правда Роськая) // Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. С. 57.

²⁵ См.: Русская Правда, краткая редакция (по Академическому списку) // Памятники русского права. Вып. 1. С. 83.

или сокола, о краже сена, дров, овцы, козы, свиньи²⁶.

Необходимо заметить, что среди достаточно большого количества предметов посягательств, составлявших основу феодального хозяйства, в отдельной тридцать седьмой статье упоминаются пес, ястреб и сокол. Штраф за кражу этих предметов, в отличие от домашней птицы, перечисленной в статье тридцать шестой и караемой продажей в шестьдесят резан, составлял три гривны. Согласно точке зрения В.В. Долгова, «прошедшие выучку охотничьи животные» не просто охранялись законодательством, но повышенной ставкой²⁷.

Особый интерес представляет статья тридцать вторая, где законодатель упоминает о таком способе совершения повреждения или истребления имущества, как поджог. Пожары для Древней Руси были настоящим стихийным бедствием, возможно, именно поэтому древнерусский законодатель упоминает о данном общественно опасном способе в ряде статей. Однако их не так много, что обоснованно вызывало удивление у некоторых исследователей, специально занимавшихся исследованием данного вопроса. Отношение к поджигателям также было достаточно негативным. «Зажигатель, — пишет В. Есипов, — создававший часто возможность распространения пожара на целый город или селение, совершал наиболее тяжкое из преступлений, которое мог совершить единичный человек. В разрушительном действии огня народ русский видел казнь Божию»²⁸.

В статье тридцать второй Краткой редакции Русской Правды речь идет о поджоге княжеской борти. Кроме того, борть можно было повредить иным образом — разломать, например, или изодрать («пожгутъ любо издуртъ»). Штраф за такое посягательство равнялся трем гривнам. А вот статья восемьдесят третья Пространной редакции, которая называлась «О гумне», в качестве санкции уже содержала «поток и разграбление», а кроме того, обязанность возместить причиненный ущерб. «Аже зажгутъ гумно, то на поток, на грабеж дом его, переди пагубу исплатившю, а впроце князю источивши и; тако же аже кто двор зажъжеть»²⁹. Предметами посягательства выступали двор и гумно. Гумно представляло собой хранилище для собранного урожая, в основном хлеба.

Двор представлял собой целый комплекс не только жилых, но и хозяйственных построек. Достаточно часто гумно располагалось именно вблизи жилого дома. Несмотря на то, что древнерусские хозяйственные постройки достаточно часто располагались в относительно отдалении от жилого дома, поджог гумна наказывался так же строго, как и двора, из-за ценности хлеба как такового³⁰.

Собственно и пчелиный улей, располагавшийся первоначально в дуплах больших деревьев в лесу, являлся достаточно важным предметом посягательства в силу того, что пчеловодство являлось «достаточно ценным промыслом» в Древней Руси. В этом отношении очень примечателен тот факт, что, например в Древней Литве, опять-таки в силу большой ценности пчелинно-медового промысла, казнь в отношении лиц, покушавшихся на чужие борти, была поистине жестокой. Согласно исследованию П. Кукольника, выбиравшим пчелиные борти сначала распарывали животы, затем привязывали внутренности к дереву и водили вокруг дерева до тех пор, пока они полностью не вываливались из тела казнимого. Причем причины в столь серьезном наказании П. Кукольник видит не только в ценности данного промысла, но и в сложностях, сопряженных с охраной бортей, располагавшихся, как правило, далеко от поселений, в лесу³¹.

Ряд статей Суда Ярослава Владимировича также посвящался преступлениям против собственности. В статье тридцать два речь идет о сокрытии чужого челядина. А в статье тридцать четвертой, согласно точке зрения С.В. Юшкова, устанавливается ответственность за присвоение случайно найденного чужого имущества³². Собственник, утративший вещь, должен был «заповестъ» об этом на торгу. В случае же обнаружения пропажи у кого-либо в своем городе он имел право на получение своей вещи обратно и ему полагался урок в виде трех гривен³³. Предметы, перечисляемые в данной статье, все те же, что и в Древнейшей Правде — конь, оружие, порты. Очевидно, что норма носит более архаичный характер и не была подвергнута переделке.

³⁰ См.: Есипов В.В. Там же. С. 16.

³¹ См.: Акты, издаваемые комиссией, высочайше утвержденной для разбора древних актов в Вильне. Т. 1: Акты Гродненского земского суда. Вильна, 1865. С. 10.

³² Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. С. 507.

³³ Я.Н. Шапов полагает, что в данной ситуации преступление оставалось безнаказанным в силу того, что платился урок потерпевшему, а не продажа князю (см.: Русская Правда. Пространная редакция (Суд Ярославль Володимирич. Правда Руськая) // Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. С. 96).

²⁶ Там же. С. 84.

²⁷ Долгов В.В. Быт и нравы Древней Руси. М., 2007. С. 111.

²⁸ Есипов В.В. Повреждение имущества огнем по русскому праву. СПб., 1892. С. 8.

²⁹ См.: Русская Правда. Пространная редакция (Суд Ярославль Володимирич. Правда Руськая) // Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. С. 70.

Статья тридцать третья карает за самовольную езду на чужом коне. В статье тридцать семь устанавливается ответственность за приобретение на торгу краденого имущества. Непосредственно краже и суду над волами посвящены статьи с сороковой по сорок третью, а также статья сорок шестая³⁴.

Статьи пятьдесят семь и пятьдесят восемь Устава Владимира Всеволодовича регулируют ответственность за купов за повреждение или уничтожение хозяйского имущества (коня). Со статьи шестьдесят девятой по семьдесят третью и с семьдесят пятой по восемьдесят четвертую регулируется ответственность за различные преступления против собственности: кражу бобра, пчел из борти, ладьи, ястреба или сокола из силков и других птиц, сена и дров; повреждение межевых знаков³⁵.

Согласно точке зрения С.А. Елисеева, противозаконное завладение чужими земельными участками (недвижимостью) также являлось преступлением по Русской Правде, хотя прямого указания на такие преступления в ней нет³⁶. Русская Правда предусматривала ответственность за повреждение, уничтожение, а также за перестановку межевых знаков в статьях тридцать четвертой Краткой редакции, а также в статье семьдесят второй и семьдесят третьей Пространной редакции. С.А. Елисеев делает свой вывод, основываясь на достаточно серьезном размере санкций, которые в том и в другом случае предусматривали двенадцатигривенную продажу³⁷. И действительно, если сравнить размер штрафа со штрафами, предусмотренными за хищение движимого имущества, разница представляется очевидной. Вряд ли древнерусский законодатель стал бы так наказывать просто самоуправные действия, которые не несли бы в себе серьезной юридической нагрузки. Очевидно, межа, межевой знак были символами для наших предков, представлявшие огромную значимость и подобного рода посягательства на чужие земельные участки были событиями, из ряда вон выходящими. В одном из значений такая символика предполагала знаки собственности, которые выставлялись на деревьях, скоте, монетах, сосудах, строительной плинфе и т.д.³⁸

³⁴ См.: Русская Правда. Пространной редакции (по Троицкому I списку) // Памятники русского права. Вып. 1. С. 126.

³⁵ См.: Там же. С. 130–131.

³⁶ Елисеев С.А. Там же. С. 8.

³⁷ Там же. С. 9.

³⁸ См.: Русская Правда Пространная редакция (Суд Ярославль Володимирч. Правда Русская // Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. С. 71.

Примечательно, но достаточно высокая плата устанавливается за «злонамеренное» уничтожение коня или другой скотины в статье восемьдесят четвертой. Как считает Г.К. Амелин, в злостном истреблении скота проявлялся народный протест против эксплуататоров-феодалов³⁹. В статьях со сто двадцатой по сто двадцать первую устанавливается ответственность господ за преступные деяния, совершенные их зависимыми людьми (кража).

В Сокращенной редакции Русской Правды отношениям собственности вновь уделяется несколько больше внимания, чем другим объектам уголовно-правовой охраны. Хотя общее количество статей, предусматривающих посягательства на собственность, в Сокращенной редакции значительно меньше, чем в Пространной. Это связано с тем, что составитель Сокращенной редакции очень многие статьи просто пропустил, а остальные подверг изменениям. Так, в частности, не попали в новую редакцию статьи о краже скота на поле, жита в яме, о краже коня. Согласно точке зрения С.В. Юшкова, составитель Сокращенной редакции изменял и пропускал статьи потому, что старый законодательный материал был ему во многом непонятен, а также в силу того, что многие старые нормы уже не соответствовали современному ему уголовно-правовому и уголовно-процессуальному реалиям⁴⁰.

Так, статья третья «О разбоинице» гласит: «Будет стал на разбои, то разбойника люди не платят, то выдадут его всего со женою и з детьми на разграбление»⁴¹. Статьи семь и восемь карали самовольное использование чужого имущества (коня или иную скотину). Статья девятая запрещала приобретение имущества, добытого преступным путем. Статьи двенадцать и тринадцать регулировали ответственность за кражу скота. Статья четырнадцатая решала вопросы привлечения к уголовной ответственности за кражу, совершенную холопом, — «аже будут холопы тати, то суд князь». Статьи с двадцать первой по двадцать восьмую регулировали ответственность за кражу бобра, уничтожение борти, кражу пчел и различных видов птиц, дров, а за уничтожение или повреждение недвижимого имущества (гумна или двора) назначался поток и разграбление.

³⁹ См.: Материалы к изучению истории государства и права СССР. Русская Правда: отв. ред. Г.С. Калинин. М., 1962. С. 64.

⁴⁰ Юшков С.В. Русская Правда. Происхождение, источники, ее значение / под ред. О.И. Чистякова. М., 2002. С. 77–78.

⁴¹ См.: Русская Правда. Сокращенная редакция (по Толстовскому IV списку) // Памятники русского права. Вып. 1. С. 197.

Согласно данным С.А. Елисеева, Русская Правда более поздних редакций достаточно четко различает кражи, осуществляемые по месту их совершения и по времени, делая, таким образом, эти два дополнительных признака объективной стороны состава преступления обязательными. Это, в свою очередь, приводило к усилению или смягчению уголовной ответственности. Так, к «клетным» и «ночным» татям применялось гораздо более строгое наказание, чем, например, к «полевым» и «дневным»⁴². Наиболее же опасной признавалась кража, совершенная в ночное время из жилого дома, амбара, кладовой при доме, то есть помещениями, объединенными единым термином «клеть»⁴³.

Следует заметить, что ученый достаточно четко подмечает и своеобразие терминологического обозначения кражи в древнерусском уголовном праве. «Термином «татья» в рассматриваемом законодательном памятнике обозначалось любое тайное похищение чужого имущества, независимо от места его совершения. В связи с этим нужно указать на ошибочность утверждения о том, что в Русской Правде только часть краж имела наименование «татья». Напротив, в ряде статей этому термину придавалось более широкое значение, им обозначались как кражи, так и иные преступления (в частности, к татьбе относилось приобретение украденного имущества)»⁴⁴.

Как мы уже упоминали ранее, Русская Правда не содержала преступных посягательств, связанных с открытым и насильственным завладением собственностью. Однако это совершенно не означает, что открытого и насильственного завладения чужим имуществом не существовало как явления в юридическом быту наших предков. Разбои (в современном понимании этого слова), сопряженные с причинением вреда здоровью и даже смерти, безусловно были и были весьма распространенным явлением. Но они, согласно точке зрения Д. Тальберга, были как бы вынесены за пределы юридического быта древнерусских общин и городов, а значит и за пределы законодательного закрепления. «Существует мнение, — пишет Д. Тальберг, — что разбойники умножились вследствие бегства тех коренных язычников, которые не хотели принимать христианства; разумеется, они должны были бежать в отдаленные леса и жить там на счет враждебного им общества. Вообще, надо думать, что похищение чужой собственности

обыкновенно совершалось в рассматриваемую нами эпоху преимущественно в виде более или менее организованных разбойнических шаек, преследование которых составляло исключительно предмет административной и военной вооруженной расправы; при таких условиях не было необходимости в законодательных определениях о наказуемости за разбой»⁴⁵. Что же касается разбоев, совершаемых внутри социумов, то они были явлением очень редким в силу тесной сплоченности и небольшого количества предметов, могущих стать поводом для совершения посягательства.

Следуя далее логике Д. Тальберга, можно со всей очевидностью утверждать, что и впоследствии древнерусский законодатель не видит необходимости в закреплении насильственных хищений в законодательных памятниках. Например в договорах русских городов с немцами. Казалось бы, на первый взгляд, где еще закреплять подобного рода посягательства, как не в торговых договорах? Однако этого не происходит. Ни в одном из договоров нет упоминания ни о грабежах, ни о разбоях. И хотя в некоторых списках термины «разбой» и «разбойники» присутствуют, но они несут ту же самую юридическую нагрузку, что и в Русской Правде, то есть напрямую связаны исключительно, с убийствами. Шайки разбойников, часто нападавшие на торговые и дипломатические караваны, были внешним врагом, отверженными, извергнутыми из общества отщепенцами, бороться с которыми можно было только военной силой. На них не распространялись законы общества и, возможно, именно поэтому в статье тридцать третьей Договора Смоленска с Ригю и Готским берегом («Смоленской Правде») законодатель фактически санкционирует осуществлять купцам расправу над лицами (ворами), покушавшимися на их товар («Аще Русин или Немчичь, иметь татья у своего товара в том его воля [что хочеть учинити]»)»⁴⁶.

Однако необходимо заметить, что существовало достаточное количество грамот, в которых, например новгородцы просят принять соответствующие меры к разбойникам, что свидетельствует о том, что разбойные нападения на купцов были достаточно распространены. Так, например в Грамоте Новгорода Риге, составленной около 1303-1307 г. — говорится: «Что избии братию нашу у вась и товар по-

⁴⁵ Тальберг Д. Там же. С. 21.

⁴⁶ См.: Договор («Правда») Смоленска с Ригю и Готским берегом 1229 г. // Памятники русского права: в 8 вып. / под ред. С.В. Юшкова. М., 1953. Вып. 2: Памятники права феодально-раздробленной Руси XII-XV вв. С. 68.

⁴² Елисеев С.А. Там же. С. 6.

⁴³ Там же. С. 6.

⁴⁴ Там же. С. 7.

имали, зато вамъ богъ помози, аже ести разбойниковъ изыскали по хрестьному челованияю»⁴⁷. Не позднее сентября 1373 г. была составлена Грамота Новгорода Любеку с требованием возврата товаров, награбленных морскими разбойниками у новгородцев. А 29 сентября 1373 г. была составлена договорная Грамота Новгорода с Любеком и Готским берегом о пограбленном разбойниками товаре⁴⁸.

Согласно мнению Д. Тальберга, постановление о татьбе также содержалось и в статье двадцать третьей данного договора. «Аже будет Русину товар имати на Немчичи или в Ризе, или на Готском березе, или в котором городе ыном немецком, но ити истьцю к ыстьцю и взяти ему та правда, которая то в том городе, а рубежа им не деяти; а Немчичю та же правда взяти на Руси»⁴⁹. Разногласия среди исследователей вызвало толкование термина «рубеж», которое, согласно точке зрения все того же Д. Тальберга, необходимо понимать как насильственный (самоуправный) захват имущества, так как термин «грабеж», как уже упоминалось, в указанную эпоху не употребляется совсем⁵⁰.

Постановления о защите собственности содержались и в других договорных актах, например — Договоре Новгорода с Готским берегом и с немецкими городами 1189-1199 гг. Статья шестая данного законодательного памятника устанавливает ответственность за повреждение или уничтожение чужой одежды во время драки («любо мятель роздрьть») в виде трехгривенного штрафа⁵¹.

Двинская уставная грамота 1397 г. в первую очередь закрепляет охрану права собственности на землю. И это представляется вполне естественным, так как право на землю являлось основой формирующегося русского централизованного государства, да и сами акты наместничьего управления в первую очередь посвящались вопросу присоединения земель к московскому царству.

Статья четвертая посвящается нарушению и порче земельных границ, которое, например С.А. Елисеев, справедливо считает

тяжким нарушением права собственности⁵². «Княжа межа» действительно охраняется достаточно суровым штрафом в сто двадцать белок. Кроме того, диспозиция статьи выделяет еще два вида межей — простых общинников и разделяющих земли двух селений. Штраф при этом также дифференцируется⁵³.

Пятую статью Грамоты во многих смыслах можно признать уникальной. Во-первых, она впервые устанавливает на законодательном уровне применение смертной казни, о чем уже говорилось. Во-вторых, она выделяет ранее не известный древнерусскому законодательству вид кражи — совершенную неоднократно. А в-третьих, в статье впервые говорится о клеймении преступника. «...А татя впервые продати противу поличного; а вдругие уличат, продадут его не жалуя; а уличат втретие, — ино повесити; а татя всякого пятнати»⁵⁴.

Первая часть санкции пятой статьи (когда татьба была совершена в первый раз) предполагала продажу имущества татя в той его части, которая соответствовала стоимости похищенного. Если татьба совершалась во второй раз, то в качестве наказания предусматривалась полная продажа виновного в рабство. Хотя существует точка зрения, в соответствии с которой фразу «продадут его не жалуя» следует толковать как полную конфискацию всего имущества⁵⁵. Уличенный в татьбе в третий раз подлежал безоговорочной смертной казни, осуществляемой через повешение.

Примерно такие же законодательные положения, охраняющие собственность, что и в Двинской грамоте, находились в Белозерской уставной грамоте 1488 г. Статья десятая в качестве наиболее опасных преступлений перечисляет, в том числе, татьбу и разбой. Виновные в совершении данных посягательств не только были обязаны возместить причиненный ущерб, но и подвергнуться казни со стороны наместника⁵⁶. В статье одиннадцать

⁵² Елисеев С.А. Там же. С. 11.

⁵³ См.: Уставная грамота великого князя Василия Дмитриевича Двинской земле [1397–1398 гг.] // Памятники русского права: в 8 вып. / под ред. Л.В Черепнина. М., 1955. Вып. 3: Памятники права периода образования русского централизованного государства XIV–XV вв. С. 162.

⁵⁴ См.: Уставная грамота великого князя Василия Дмитриевича Двинской земле [1397–1398 гг.] // Памятники русского права. Вып. 3. С. 162–163.

⁵⁵ См.: Елисеев С.А. Там же. С. 11.

⁵⁶ См.: Белозерская уставная грамота (1488 год, март) // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1985. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. С. 194.

⁴⁷ См.: Грамоты Великого Новгорода и Пскова / под ред. С.Н. Валка. М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. С. 65.

⁴⁸ Там же. С. 79–80.

⁴⁹ См.: Договор («Правда») Смоленска с Ригою и Готским берегом 1229 г. // Памятники русского права. Вып. 2. С. 65–66.

⁵⁰ Тальберг Д. Там же. С. 18.

⁵¹ См.: Договор Новгорода с Готским берегом и с немецкими городами 1189–1199 гг. // Памятники русского права. Вып. 2. С. 125.

дается определение понятия «поличного», как предмета преступления, в данном случае кражи. И таким предметом могло быть только имущество, которое находилось у хозяина под замком в клети. Более того, поличным не считалась чужая собственность, которая обнаруживалась в неправомерном владении, но не находилась у хозяина под замком⁵⁷. А.А. Зимин и А.Г. Поляк уточняют, что «поличное» это то похищенное имущество, которое находилось у потерпевшего под особой охраной. А «татебным», в отличие от «разбойного», считалось «поличное», похищенное в отсутствие хозяина⁵⁸. А вот охрана собственности на землю отличается от установлений Двинской уставной грамоты. Статья восемнадцатая Белозерской уставной грамоты, так же как и Русская Правда, вновь не различает, кто является хозяином поврежденной или перекошенной межи, устанавливая единый штраф⁵⁹.

Псковская судная грамота также предусматривает ряд преступных посягательств на собственность. Уже в первой статье псковский законодатель устанавливает ответственность за татьбу, совершенную из клети за замком, из-под полсти в санях, из-под титяги с воза, из ямы, из-под палубы в ладье, а также за кражу скота и сена сверх стога. Равный штраф в девять денег за все перечисленные виды кражи, совершенные как из закрытых помещений, так и в открытых местах, привел П. Мрочек-Дроздовский к мысли о том, что Псковская грамота их просто не различает⁶⁰. Хотя, например, согласно точке зрения Ю.Г. Алексеева, все перечисленные случаи фактически являются кражами из закрытых помещений⁶¹. А вот низкий штраф за все эти виды кражи, которые в Русской правде считались квалифицированными, равный стоимости одного барана, по мнению все того же Ю.Г. Алексеева, объясняется общим характером Псковской судной грамоты. Псковская судная грамота среди историков права считается законодательным актом местного характера, так как защищает интересы несколько иных по социально-сословному статусу разрядов лиц. «Если княжеская Правда

в своих уголовных статьях охраняет, прежде всего крупную привилегированную собственность — собственность и права феодалов, то Грамота имеет дело преимущественно с другой социальной средой — с мелкими и средними собственниками города и деревни»⁶².

Татьба предусматривалась также в статьях седьмой и восьмой Грамоты. И эти виды кражи безусловно считались квалифицированными, так как карались смертной казнью. К ним относились, перечисленные в седьмой статье, кража из Псковского кремля, конокрадство, а также кража на посадке, совершенная в третий раз⁶³.

Кроме татьбы, грамота в своих постановлениях упоминает еще о нескольких насильственных посягательствах на собственность — разбое, находе и грабеже. Хотя дать четкое различие между этими преступлениями псковскому законодателю не удалось. «Но можно вслед за старыми российскими юристами, — пишет С.А. Елисеев, — предположить, что этими терминами средневековый законодатель обозначил различные ситуации насильственного завладения чужим имуществом. Разбой, по Псковской грамоте, — это, по всей вероятности, насильственное завладение чужим движимым имуществом, совершенное с корыстной целью. Наход — это насильственный, несомненно вооруженный захват чужого земельного участка, сопровождающийся разграблением имущества. Грабеж — это «вообще всякое противозаконное отнятие находящейся во владении другого вещи и чаще всего совпадает с понятием самоуправства»⁶⁴. И действительно, все эти разновидности посягательств, согласно точке зрения Д. Тальберга, объединяет «общий признак насильственного действия»⁶⁵.

Наказание за все эти виды насильственного похищения было сравнительно небольшим и равнялось семидесяти гривнам продажи. Упоминание о грабеже и разбое встречается еще в целом ряде статей Псковской судной грамоты, но, как правило, косвенно (например наряду с другими преступлениями против личности) либо в статьях, которые в целом не носят уголовно-правового характера.

Поджог в Псковской судной грамоте, так же как и квалифицированные виды кражи, наказывался смертной казнью («тем живота не дати»). Интересен также и тот факт, что в седьмой статье законодатель перечисляет не

⁵⁷ Там же. С. 197.

⁵⁸ См.: Белозерская уставная грамота 1488 г. март // Памятники русского права. Вып. 3. С. 214.

⁵⁹ См.: Белозерская уставная грамота (1488 год, март) // Российское законодательство X–XX веков. Т. 2. С. 194.

⁶⁰ Мрочек-Дроздовский П. Памятники русского права времени местных законов: пособ. к слушанию лекций и к практическим занятиям. М., 1901. С. 17.

⁶¹ Алексеев Ю.Г. Псковская судная грамота и ее время. Развитие феодальных отношений на Руси XIV–XV вв. Л., 1980. С. 64.

⁶² Там же. С. 66.

⁶³ См.: Псковская судная грамота // Памятники русского права. Вып. 2. С. 287.

⁶⁴ См.: Елисеев С.А. Там же. С. 12.

⁶⁵ Тальберг Д. Там же. С. 30.

виды преступных посягательств, а наименования преступников — татя, зажигальника.

Содержатся упоминания о татьбе, грабеже, разбое, поджоге и наезде в Новгородской судной грамоте 1471 г. Однако и в ней данные понятия не раскрываются, а только лишь упоминаются в контексте определенных судебных действий. Да, собственно, и сама Новгородская грамота имеет соответствующий заголовок — «О суде и о закладе на наездники и на грабещики». Очевидно, что «наход» Псковской грамоты является понятием, тождественным «наезду» Новгородской⁶⁶.

Древнерусское уголовное право огромное внимание уделяет охране собственности. И та-

кое внимание понятно, так как индивидуальная собственность оценивается в древних обществах настолько высоко и так тесно связывается с личностью обладателя, что «составляет как бы плоть и кровь его»⁶⁷. Это, в свою очередь, также вполне объяснимо. Отношения собственности являлись зачастую гарантом выживания в достаточно непростых природно-хозяйственных и социально-политических условиях. Собственность была инструментом социальной стратификации в обществе и достаточно веским аргументом в разрешении различных юридических конфликтов. Именно поэтому древний законодатель карает посягательства на собственность очень строго, вплоть до смертной казни.

Библиография:

1. Абрашкевич М.М. Эволюция идеи о преступлении и наказании. Публичная лекция. — Одесса: Эконом. тип., 1903. — 46 с.
2. Акты, издаваемые комиссией, высочайше утвержденной для разбора древних актов в Вильне. — Вильна: В тип. А.К. Киркора, 1865. Т. 1. Акты Гродненского земского суда. — 378 с.
3. Алексеев Ю.Г. Псковская судная грамота и ее время. Развитие феодальных отношений на Руси XIV–XV вв. / под ред. Н.Е. Носова. — Л.: Наука, 1980. — 242 с.
4. Богдановский А. Развитие понятий о преступлении и наказании в русском праве до Петра Великого. — М.: В тип. Каткова, 1857. — 145 с.
5. Грамоты Великого Новгорода и Пскова / под ред. С.Н. Валка. — М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1949. — 408 с.
6. Долгов В.В. Быт и нравы Древней Руси. — М.: Яуза, Эксмо, 2007. — 512 с.
7. Елисеев С.А. Преступления против собственности в истории уголовного законодательства России. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. — 118 с.
8. Есипов В.В. Повреждение имущества огнем по русскому праву. — СПб.: Тип. А.С. Маркса, 1892. — 200 с.
9. Материалы к изучению истории государства и права СССР. Русская Правда / отв. ред. Г.С. Калинин. М.: Политиздат, 1962. — 241 с.
10. Мейчик Д. Система преступлений и наказаний по Договорам Олега и Игоря и Правде Ярослава // Юридический вестник. 1875 (февраль-март). — С. 32–80.
11. Мрочек-Дроздовский П. Памятники русского права времени местных законов: пособие к слушанию лекций и к практическим занятиям. — М.: Университ. тип., 1901. — 314 с., 8 с.
12. Памятники русского права: в 8 вып. / под ред. С.В. Юшкова. — М.: Госюриздат, 1952. Вып. 1: Памятники права Киевского государства. X–XII вв. — 287 с.
13. Памятники русского права: в 8 вып. / под ред. С.В. Юшкова. — М.: Госюриздат, 1953. Вып. 2: Памятники права феодально-раздробленной Руси XII–XV вв. — 442 с.
14. Памятники русского права: в 8 вып. / под ред. Л.В. Черепнина. — М.: Госюриздат, 1955. Вып. 3: Памятники права периода образования русского централизованного государства XIV–XV вв. — 527 с.
15. Романов Б.А. Люди и нравы Древней Руси: историко-бытовые очерки XI–XIII вв. — М.: Наука, 1966. — 240 с.
16. Российское законодательство X–XX веков: тексты и коммент: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. — М.: Юрид. лит., 1984. Т. 1. Законодательство Древней Руси. — 430 с.
17. Российское законодательство X–XX веков: тексты и коммент: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. — М.: Юрид. лит., 1985. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. — 520 с.
18. Сухов А.А. Историческая характеристика древнерусского уголовного права до XVII столетия // Юридический вестник. 1874. Книжка первая и вторая (январь и февраль). — С. 69–107.

⁶⁷ См.: Богдановский А. Развитие понятий о преступлении и наказании в русском праве до Петра Великого. М., 1857. С. 101.

⁶⁶ См.: Тальберг Д. Там же. С. 32.

19. Тальберг Д. Насильственное похищение имущества по русскому праву (разбой и грабеж). Историко-догматическое исследование. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1880. — 200 с.
20. Эверс И.Ф.Г. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. — СПб.: Печатано в Тип. Штаба Отдельного Корпуса Внутренней Стражи, 1835. — 422 с.
21. Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. — М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1949. — 546 с.
22. Юшков С.В. Русская Правда. Происхождение, источники, ее значение / под ред. О.И. Чистякова. — М.: ИКД «Зерцало-М», 2002. — 352 с.

References (transliteration):

1. Abrashkevich M.M. Evolyutsiya idei o prestuplenii i nakazanii. Publichnaya leksiya. — Odessa: Ekonom. tip., 1903. — 46 s.
2. Akty, izdavaemye komissiey, vysochayshe utverzhdennoy dlya razbora drevnikh aktov v Vil'ne. — Vil'na: V tip. A. K. Kirkora, 1865. T. 1. Akty Grodnenskogo zemskogo suda. — 378 s.
3. Alekseev Yu.G. Pskovskaya sudnaya gramota i ee vremya. Razvitie feodal'nykh otnosheniy na Rusi XIV–XV vv. / Pod red. N. E. Nosova. — L.: Nauka, 1980. — 242 s.
4. Bogdanovskiy A. Razvitie ponyatiy o prestuplenii i nakazanii v russkom prave do Petra Velikogo. — M.: V tip. Katkova, 1857. — 145 s.
5. Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova / Pod red. S.N. Valka. — M.: L.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1949. — 408 s.
6. Dolgov V.V. Byt i nrvy Drevney Rusi. — M.: Yauza, Eksmo, 2007. — 512 s.
7. Eliseev S.A. Prestupleniya protiv sobstvennosti v istorii ugolovnogo zakonodatel'stva Rossii. — Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2005. — 118 s.
8. Esipov V.V. Povrezhdenie imushchestva ognem po russkomu pravu. — SPb.: Tip. A.S. Marksa, 1892. — 200 s.
9. Materialy k izucheniyu istorii gosudarstva i prava SSSR. Russkaya Pravda / Otv. red. G.S. Kalinin. M.: Politizdat, 1962. — 241 s.
10. Meychik D. Sistema prestupleniy i nakazaniy po Dogovorom Olega i Igorya i Pravde Yaroslava // Yuridicheskiy vestnik. 1875. (fevral' — mart). — S. 32–80.
11. Mrochek-Drozovskiy P. Pamyatniki russkogo prava vremeni mestnykh zakonov: posobie k slushaniyu leksiy i k prakticheskim zanyatiyam. — M.: Universit. tip., 1901. — 314 s., 8 s.
12. Pamyatniki russkogo prava: v 8 vyp. / Pod red. S. V. Yushkova. — M.: Gosyurizdat, 1952. Vyp. 1: Pamyatniki prava Kievskogo gosudarstva. X–XII vv. — 287 s.
13. Pamyatniki russkogo prava: v 8 vyp. / Pod red. S. V. Yushkova. — M.: Gosyurizdat, 1953. Vyp. 2: Pamyatniki prava feodal'no-razdroblennoy Rusi XII–XV vv. — 442 s.
14. Pamyatniki russkogo prava: v 8 vyp. / Pod red. L. V. Cherepnina. — M.: Gosyurizdat, 1955. Vyp. 3: Pamyatniki prava perioda obrazovaniya russkogo tsentralizovannogo gosudarstva XIV–XV vv. — 527 s.
15. Romanov B.A. Lyudi i nrvy Drevney Rusi: Istoriko-bytovye ocherki XI–XIII vv. — M.: Nauka, 1966. — 240 s.
16. Rossiyskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov: teksty i komment. v 9 t. / Pod obshch. red. O.I. Chistyakova. — M.: Yurid. lit., 1984. — T. 1. Zakonodatel'stvo Drevney Rusi. — 430 s.
17. Rossiyskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov: teksty i komment. v 9 t. / Pod obshch. red. O.I. Chistyakova. — M.: Yurid. lit., 1985. T. 2. Zakonodatel'stvo perioda obrazovaniya i ukrepleniya Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva. — 520 s.
18. Sukhov A.A. Istoricheskaya kharakteristika drevnerusskogo ugolovnogo prava do XVII stoletiya // Yuridicheskiy vestnik. — 1874. Knizhka pervaya i vtoraya (yanvar' i fevral'). — S. 69–107.
19. Tal'berg D. Nasil'stvennoe pokhishchenie imushchestva po russkomu pravu (razboy i grabez). Istoriko-dogmатическое issledovanie. SPb.: Tip. V.S. Balasheva, 1880. — 200 s.
20. Evers I.F.G. Drevneyshee russkoe pravo v istoricheskom ego raskrytii. — SPb.: Pечатано в Тип. Shtaba Otdel'nogo Korpusa Vnutrenney Strazhi, 1835. — 422 s.
21. Yushkov S.V. Obshchestvenno-politicheskiy stroy i pravo Kievskogo gosudarstva. — M.: Gos. izd-vo yurid. lit., 1949. — 546 s.
22. Yushkov S.V. Russkaya Pravda. Proiskhozhdenie, istochniki, ee znachenie; pod red. O.I. Chistyakova. — M.: IKD «Zertsalo-M», 2002. — 352 s.

Материал получен редакцией 20 января 2013 г.